

Георгий Дерлугьян

ДЖОВАННИ АРРИГИ, 1937–2009

ЧЕЛОВЕК, УСПЕВШИЙ ВСЕ СДЕЛАТЬ.

НЕКРОЛОГ УЧИТЕЛЮ

Прошлым летом мы очень ждали его приезда на школу молодых обществоведов под Питером. Вместо этого пришло краткое сообщение: «Съездил в Женеву, российскую визу получил, но врачи рекомендовали воздержаться от перелетов. Детали позже». Тогда казалось, что европейские врачи просто занимаются перестраховкой и срывают нам летнюю школу. Неделю спустя мы узнали «детали». У Арриги обнаружен рак легких, уже неоперабельный. Прогноз: около шести месяцев.

Он прожил еще почти целый год, читая лекции, спокойно дописывая последние статьи вместе с женой Беверли Сильвер и сыном Андреа. Когда сил оставалось уже слишком мало и вдобавок начал отказываться английский, заставляя Джованни переходить на родной итальянский, он записал итоговое интервью со своим старинным другом географом Дэвидом Харви.

Что делает ученый, знающий, что ему осталось где-то полгода жизни? Пьер Бурдьё в подобной ситуации решил с присущей ему крестьянской прямоотой и жесткостью заядлого регбиста высказать в последнем «Наброске к самоанализу» все, что думал о парижском интеллектуальном бомонде. Арриги же первым делом методично составил план-силлабус прощального автобиографического спецкурса для своих аспирантов в Университете Джонса Хопкинса, шутливо их предупредив, что если не доживет до конца семестра, то экзаменов сдавать не придется. (Силлабус публикуется в этом же номере журнала.)

Об ироничном чувстве юмора Джованни сложился целый факультетский фольклор. Уезжая на летние каникулы в Италию, он обычно пускал аспирантов пожить в своем доме. Один из них тут же заглянул в холодильник и узрел там стерильную пустоту, изысканно подчеркиваемую единственным кусочком пармского сыра на блюдечке. Из дверей кухни раздался характерный надтреснутый смешок профессора Арриги: «А ты думал будут шашлыки, как у Георгия?»

Не был он ни кабинетным затворником, ни революционным героем, ни буржуазным бонвиваном — хотя несомненно любил жизнь, убеждения имел четкие, работал до конца с полной самоотдачей. В родезийской тюрьме, куда попал в 1964 г. по вполне, надо сказать, обоснованному подозрению в связях с африканскими повстанцами, первым делом попросил итальянского консула принести ему транзисторный радиоприемник, чтобы следить за олимпийским чемпионатом по футболу (золото взяли венгры, серебро — чехословаки, бронзу — ГДР, а следом за ними шел тогда насеровский Египет, что заставило тюремщиков заподозрить мировой заговор). Машину водил как азартный гонщик. В бытность свою преподавателем социологии в глуши южной Калабрии на выходные носился в родной Милан, покрывая за день всю длину Апеннинского «сапога» и успевая при этом съесть настоящее итальянское мороженое в любимом кафе, попить эспрессо и выкурить сигарету. Но, пожалуй, более всего в характере Арриги захватывало сочетание бесстрашного трезвого стоицизма, интереса к тому, как на самом деле устроен мир — и доброты.

Бесстрашие Джованни было какого-то удивительно легкого и веселого, совершенно не доблестного итальянского свойства. Когда Америка после терактов 11 сентября вдруг оцепенела в нагрянувшем осознании своей уязвимости и следом бросилась сплачиваться в патриотической наступательной панике, а американские левые и либералы замерли в бессилии, Арриги лишь сокрушался: «Ну, что за дела? Где у них веберовская капиталистическая рациональность? Позволительно ли в такой истерике рулить ядерной сверхдержавой? Привиделось группе лунатиков, будто повалив пару небоскребов на Уолл-Стрит, можно что-то сделать с капитализмом. Разве это война?»

И, погружаясь в детские воспоминания, продолжал с улыбкой: «После того, как в наш миланский дом угодила авиабомба британских союзников, папа отправил семейство на виллу у Лаго-Маджоре. Через озеро переправлялись на пароме, который всю дорогу преследовали британские истребители, что и верно — на пароме плыло полно фашистов. Утром просыпаемся оттого, что на переднем дворе у фонтана команда эсэсовцев ведет перестрелку с дядей, который ушел в партизаны практически со всеми работниками своей фабрики. Оказывается, накануне его шофера угораздило попасться на дороге вместе со списком всего отряда. Немцы ночью зашли по горе сверху, через швейцарскую границу. Разумеется, швейцарские пограничники, как всегда, их не заметили. В итоге дяде, как подлинно патерналистскому хозяину-католику, пришлось с утра пораньше руководить своими работниками, стрельбой отвлекая эсэсовцев поглубже в парк при вилле, пока мама грузила нас, детей, в лодку и выгребала на озеро подальше от пуль, а бабушка хлопотливо прятала семейные картины и статуи. Вот это было и страшно, и смешно.»

Столь же бесстрашно и весело Джованни произносил всевозможные еретические суждения, будь то предсказание перед аудиторией школы бизнеса неминуемого краха финансовой схемы глобализации, констатируя среди пылкого левого студенчества окончательный тупик марксизма, или обещаая

в 1990-м еще перестроечном году, что полная и радостная капитуляция восточноевропейцев перед западной неолиберальной ортодоксией «в Америку-то вас превратит — только в Южную, а не Северную Америку».

Мы как-то задумались с коллегами по факультету, а были ли вообще у Джованни враги? Никто таковых припомнить не смог. Разве что Джованни нетипично для него мрачнел и вскоре переводил разговор на другую тему, если речь заходила об итальянских левых террористах 1970–х годов. Этот исторический эпизод он считал чудовищно дорогой ошибкой. Конечно, Антонио Негри, о котором здесь нам более говорить не пристало. Из — за морально невыносимой поляризации между продажным политическим истеблишментом и ультрапролетарскими боевиками Арриги молча покинул родную Италию и перебрался в США работать с Валлерстайном в Центре им. Фернана Броделя.

Насчет преисполненных своей эстетской оппозиционности «ультра» он лишь пожимал плечами: «Любая ортодоксия неизбежно не только неверна, но и скучна. Ребята совершенно неспособны уразуметь, сколь противоречивы, устойчиво воспроизводимы и в то же время зыбки основы всякого исторического господства.» Но затем, оставаясь самим собой, добавлял уже с усмешкой: «Я-то знаю. Сам был в молодости капиталистом. Думаете, это легко? С одной стороны постоянно бузят рабочие, с другой — давят скользкие политики и корыстные неэффективные чиновники, сбоку постоянно возникают всевозможные местные и иностранные конкуренты, рынки то растут, то падают. Вдобавок в Италии и мафия, и католическая иерархия с ее вековыми интригами, в которых приходится участвовать... Кстати, чему учат в вашем КГБ?! Как можно было без снайперской подстраховки поставить придурковатого турка стрелять в папу римского? Этот поляк Войтыла похерил все, чего удалось добиться на Втором Ватиканском соборе. Да бросьте, у Ватикана заговоры и покушения входят в список деловых рисков. Вам лекцию прочесть о традициях итальянского Ренессанса? Что бы там ни написал Макс Вебер, на самом деле мы изобрели и капитализм, и современную политику».

В самом деле, Арриги удивительным образом не наживал себе врагов, как это вообще-то очень даже водится в политизированной интеллектуальной среде. Он радушно озадачивал оппонентов своими доводами, совершенно не чураясь дискуссий, впрочем, никогда не доходя до полемического фехтования или того хуже. Это было ему просто неинтересно, хотя, повторяю, поспорить не только мог, но и считал это делом подчас полезным. Арриги обладал исключительно диалогичным умом. Валлерстайну, многолетнему коллеге и приятелю, он пенял как раз за его тщательное соблюдение отстраненной корректности, обернувшейся упущенными интеллектуальными возможностями и известными «недебатами» с такими разными и по-разному достойными оппонентами, как Бродель, Скочпол и Бреннер.

Другой коллега и приятель Андре Гундер Франк, по собственному признанию Арриги, доводил его до кипения своей радикальной прямолинейностью в сочетании с угрюмым упрямством: «Гундер бил в одну точку, круша

все подряд, как северный варвар. (У вас, кажется, есть что-то против варваров? Так это же мои ломбардские предки. Разделались с Римской империей при первой возможности, и поделом этим римлянам!) Однако, надо признать, Гундер все-таки пару раз находил верную точку — с идеей структурной зависимости периферии или с исключительной исторической важностью Китая и вообще Азии. Поэтому, как ни трудно, с Гундером надо было работать всерьез».

В подобной тираде — весь Джованни. В отличие от многих теоретиков, он никогда не стеснялся признавать ни собственные тупики и заблуждения, ни влияние чужих идей. Всю жизнь он продолжал самокритично пересматривать свои теории, двигаясь в понимании современности и капитализма от ортодоксальной неоклассической экономики к радикальной политэкономии колониализма, затем от неомарксизма к Поланьи и Броделю, приближаясь к Валлерстайну — и удаляясь от него, переходя от материала колониальной Африки к мафиозным реалиям Калабрии, от современности к средневековым городам-государствам северной Италии, от новаторского анализа Запада к перевороту в анализе Востока, возвращаясь с совершенно новых позиций к Адаму Смиту, неожиданно сочетая прозрения таких на первый взгляд совершенно разных теоретиков капитализма, как коммунист Грамши и консервативный монархист Шумпетер.

Поглядите внимательно на силлабус последнего аспирантского спецкурса, в котором последовательно изложена траектория Арриги. Великий теоретик аккуратно и честно, с перечислением всех ходов, с ясным обозначением тупиков и идейных прорывов, передавал дела следующему поколению. Слава богу, оно было. И нас немало. Сегодня ученики Арриги разбросаны по всей планете от Японии и Индии до Ирана и Бразилии и от Скандинавии до Южной Африки. Думаю, скоро многие себя проявят. С аспирантами Арриги мог возиться с бесконечной добротой и терпением. В них он вложил всего себя и свою способность видеть целый мир.